

Т. Н. Русских

**КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН-УДМУРТОК
В РАМКАХ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Статья посвящена исследованию динамики коммуникативного поведения сельских женщин-удмурток в рамках семейно-брачных отношений во второй половине XX века. Актуальность статьи обусловлена существующим общественным спросом на освещение региональной женской истории и истории гендера. Основное внимание уделено требованиям, предъявляемым социумом к поведению женщины-удмуртки. В результате анализа полевых материалов, собранных в ходе этнографических экспедиций, были выявлены изменения в коммуникативных практиках женщин-удмурток в сфере добрачного поведения и поведения в браке. Автор отмечает, что реалии современной жизни вносят свои коррективы, в том числе и диспропорции.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, женщины-удмуртки, гендер, брачный дискурс, коммуникативные практики, коммуникативный сценарий.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-1-103-114

Гендер и гендерные роли участников диалога влияют на процесс коммуникации. Они часто выступают как основные показатели, определяющие статус общающихся в социальной иерархии, общественные и культурные ожидания, касающиеся коммуникативного поведения полов, избираемые коммуникантами стратегии поведения. В данной статье, вслед за Г. Е. Крейдлиным, под гендером понимается «социально и культурно нагруженный пол», фундаментальной составляющей которого является противопоставление понятий «мужское» и «женское» [Крейдлин 2005, 10]. Различие гендерных ролей проявляется в разных областях жизни, а их смещение обычно рассматривается как угроза общественным устоям, отклонение от нормы.

В объективе этнографического внимания данной статьи находится динамика семейно-брачного поведения сельских женщин-удмурток во второй половине XX в. Данный исторический период насыщен разнообразными событиями, которые нашли отражение во взглядах и особенностях поведения наших респонденток. Это и тяжелые годы послевоенной разрухи и восстановления народного хозяйства, и распад СССР, с последовавшей сменой культурных парадигм, это и распространение революционных информационных технологий и др. Новые реалии повседневной жизни предъявляли и продолжают предъявлять новые требования к «исполнителям» гендерных ролей. В связи с этим любопытно было бы проследить, каким образом изменялись установки и стратегии женского коммуникативного поведения; выяснить, какое коммуникативное поведение в современном удмуртском обществе принято считать «женским».

Сегодня опубликовано немало работ, посвящённых проблеме женщины в традиционном удмуртском обществе, частично освещающих вопросы женского коммуникативного поведения. Так, данная тема была затронута в публикациях Вятских губернских ведомостей в контексте общей характеристики этноса и анализа повседневного быта в XIX в [ВГВ 1885 № 45, 3; 1892 № 38, 3]. Результаты отдельного комплексного исследования, посвящённого положению женщины в традиционном обществе, были представлены в монографии А. И. Михайлова «Вотячка» [1927]. Женщина становится самостоятельным объектом и предметом научного анализа в исследованиях Н. И. Шутовой [1995], Л. С. Христороубовой [2002, 2006], М. В. Ившиной [2000, 2011]. Особенности коммуникативного поведения женщин в контексте семейного этикета и поло-ролевых функций супругов затронуты в исследованиях Г. А. Никитиной [1997, 2015], Л. И. Семёновой [1996], И. К. Назмутдиновой [2017].

Как отмечает большинство исследователей, в традиционном обществе удмуртка «в некоторых отношениях пользовалась большой свободой» [Михайлов 1927, 17]. Она фактически являлась главой дома, так как полностью руководила хозяйством: в её ведении находились семейные деньги, а муж редко принимал решения, не посоветовавшись с женой [Шутова 1995, 38; Никитина 2015, 266; Назмутдинова 2017, 100]. По мнению Л. А. Волковой, на высокий социальный статус женщины в тради-

ционном обществе указывали также её личное имущество: приданое, не подлежащее разделу после развода, и равноправное участие женщин в трудовом процессе [Волкова 1996, 44-45]. Как отмечает Н. И. Шутова, «велика была роль женщины и в сохранении и развитии духовного богатства этноса, в особенности языка как аккумулятора духовной культуры и как средства сохранности своего народа. От неё (матери, бабушки, старшей сестры) малыш впервые слышал звуки родного языка, знакомился с колыбельными напевами, сказками, пословицами, поговорками и т.д.» [Шутова 1996, 36].

Говоря о современной удмуртке, исследователи отмечают, что сегодня мир требует от неё активной социальной позиции: «современной женщине приходится выполнять и профессиональную работу, и общественные поручения, и дела по дому» [Семенова 1996, 60]. Г. А. Никитина, анализируя поведение женщин на примере взаимоотношений в постсоветской сельской семье, приходит к выводу, что гендерная диспропорция, вызванная сверхсмертностью мужчин, меняет поведение женщины, вынуждая её примерять на себя мужские роли (быть гарантом хозяйственной состоятельности семьи, активным носителем и транслятором этнической культуры), в то же время сохраняя за ней традиционные женские функции хранительницы домашнего очага, жены и матери [Никитина 2015, 268]. Говоря о поколении девушек, социализация которых пришлась на рубеж XX–XXI вв., И. К. Назмутдинова отмечает их раскрепощённость и инициативность, ориентацию на индивидуальное и личностное начала [Назмутдинова 2017, 115].

Представления о «женском» поведении в удмуртском коммуникативном пространстве

Как отмечают респондентки всех возрастных групп, представления о правилах поведения в семье и обществе, относительно старших и младших, своих и чужих, усваиваются с самого детства посредством личного примера взрослых (особенно мамы и бабушки) и активного включения в повседневную бытовую деятельность. «Процесс приобщения к жизни девочки находится в руках женщин, и прежде всего, матери. Она отвечает за её поведение. Отец же в воспитании дочери больше выступает как авторитет, на который ссылается мать» [Никитина 1997, 32]. Нравоучения не приветствовались и не приветствуются. В присутствии девушки не допускаются грубые слова, в семье её всячески оберегают, стараясь дать работу полегче.

По мнению респонденток, рожденных в пер. пол. XX в., на формирование представлений девушек-удмурток о «женском» поведении накладывали отпечаток удмуртские традиции, приобщение к которым происходило посредством общения и совместного проживания со старшим поколением (бабушками и дедушками), а также участия в календарно-обрядовых праздниках. Регулятором их поведения выступало общественное мнение. Женщины этого поколения утверждают, что главной поведенческой чертой девушки должна быть *скромность*. Девушка не должна перечить кому бы то ни было, допускать грубые слова в своей речи, слишком сильно выделяться на фоне других. «Нам с детства говорили, что надо быть скромными. На совместных играх допоздна задерживаться нельзя было. Ну, как это ты придёшь позже своих братьев? Значит, либо тебя парни запугали, либо ты сама с ними гуляешь», – призналась одна из наших респонденток [18 ПМ. Р. И. Максимова, 1936 г.р.]. Девушка не должна допускать вольности с посторонними, особенно с мужчинами; громко смеяться и разговаривать в общественных местах. Это расценивалось как ветреность и вызывало осуждение общественности: «Перед юношами нельзя вырисовываться, показывать себя. Если вырисовываешься, значит, распущенная» [18 ПМ. Р. И. Максимова, 1936 г.р.].

«Я очень смешливая была, когда была маленькой, на что старшие сёстры мне всегда говорили: "Калиста, почему ты постоянно смеешься? Перестань, люди подумают, что ты дура"» [5 ПМ. К. И. Волкова, 1936 г.р.].

По признанию респонденток 1950-х гг. рождения, скромность, культивируемая в характере, порой приобретала гипертрофированные черты и превращалась в застенчивость, которая в свою очередь сильно тяготила и до сих пор тяготит своих обладательниц. «Нас родители всегда учили, что нужно быть скромными, в обществе нужно вести себя прилично, чтобы не позорить своих родственников. Потом вот выходишь в люди и думаешь, что лучше лишний раз промолчать, а то вдруг не то скажешь, сама опозоришься и родителей опозоришь. Я постепенно отхожу от этого, если надо, я лучше лишний раз спрошу. А вот дочка меня в магазине отдернет: «Мама, зачем лишний раз», то есть я не хотела, но передала своему ребёнку этот комплекс неполноценности» [17 ПМ. А. Н. Лecomцева, 1956 г.р.].

«Отец нам всегда говорил, не шумите, играйте тихо, из дома не выходите. Вот мы и выросли тихие и стеснительные» [26 ПМ. Е. П. Степанова, 1960 г.р.].

Не менее важными качествами девушки считались *чистота* и *непорочность*. Так, красивую, опрятную девушку до сегодняшнего дня характеризуют словом *«Чылкыт»* (букв.: чистая) [ПМ: Зафиксировано в Алнашском, Можгинском и Малопургинском районах Удмуртии]. *Чистота* должна проявляться и в помыслах, и во внешнем виде.

Особое значение уделялось формированию в девушке трудолюбия, которое в свою очередь должно было выработать в ней такие качества, как послушание, смирение, настойчивость. Поскольку труд в удмуртском обществе зачастую воспринимался как важная жизненная необходимость, мама приобщала дочь к труду с малых лет активным включением её в хозяйственную деятельность: *«Как с малых лет начинали работать, так всё и работали, и работали»* [1 ПМ. Н. Д. Афонина, 1925 г.р.].

«Сколько я себя помню, я постоянно работала. С детства маме по хозяйству помогала, потому что она не успевала. А потом я вместе с ней начала и в колхозе работать. Всё работала: какая работа попадет, ту и выполняла» [24 ПМ. Г. Г. Поздеева, 1933 г.р.].

«Мама с детства приучала, как корову доить, как правильно косить, полы мыть, как еду приготовить, тесто замесить. Поэтому в подростковом возрасте я была уже не такой беспомощной, как современная молодежь» [2 ПМ. Г. Е. Баранова, 1955 г.р.].

И общество, и родители ожидали от девушек ответственного отношения и полного послушания: *«Мама, прежде чем уйти на работу, говорила: "Петя, ты сделай это, а, Таня, сделай это". Но Петя обычно говорил: "Таня, ты давай делай", а сам убежал играть. Я делала и его работу, и свою. Понимала, что если мы не сделаем работу, то мама будет ругаться, а больше всего мне попадёт. Если бы я родилась мальчиком, я бы тоже себя вела, как он»* [14 ПМ. Т. Ф. Козленко, 1954 г.р.]. Даже в вопросах замужества часто были случаи, когда девушки не смели перечить и выходили замуж за юношу, рекомендованного родителями: *«Родителям Педор понравился. Он очень общительный был. Чужай (бабушка со стороны матери) мне сказала: «Ой, таких парней мало. Вон он как старших уважает, не каждый так будет с ними общаться. Вон в нашей деревне есть Пудя – у него и здоровья нет, и телом не вышел. Неужели ты за него замуж собираешься?» Я не осмелилась противиться родителям, как они сказали, так и сделала»* [16 ПМ. Т. В. Крутикова, 1961 г.р.].

Коммуникативное поведение девушки во многом влияло на формирование её репутации среди односельчан, что в свою очередь могло сыграть определяющую роль в её судьбе. В удмуртском коммуникативном пространстве издавна существует традиция, согласно которой о человеке судят по репутации его родителей, а также по оценке, полученной со стороны его соседей и односельчан [Христолюбова 1992, 33]. В связи с этим девушку приучали бояться всеобщего осмеяния: *«И бабушка, и мама всегда говорили, это так не делай, люди будут смеяться. Всё нужно делать, как люди; когда будешь, как все, – не будешь посмешищем»* [24 ПМ. Г. Г. Поздеева, 1933 г.р.].

На формирование представлений о женственности в коммуникативном поведении женщин, социализация которых проходила на рубеже XX–XXI вв., помимо старшего поколения и его идеалов, оказывали влияние также средства массовой информации, переезд в город, чтобы получить профессиональное образование, городская поликультурная и полиэтническая среда. Как отмечают респондентки 1980-ых годов рождения, идеал чистоты и целомудрия для них продолжал и продолжает оставаться значимым: *«Мне мама с детства говорила, что нужно беречь платье снову, а честь смолоду»* [22 ПМ. С. Г. Осипова, 1985 г.р.]. По их мнению, молодые девушки сегодня ведут себя раскованно, порой пренебрегая идеалами чистоты и целомудрия: *«Я себя сколько помню, я с мальчиками в школе больше воевала и дралась. А сейчас посмотришь на молодёжь, так они начинают в любви друг другу признаваться чуть ли не с начальных классов, а старшеклассники меняют друг друга, как перчатки, ночевать друг к другу ходят. Я не знаю, куда смотрят их родители, но это же неправильно»* [28 ПМ. М. П. Тронина, 1985 г.р.].

Хотя в обществе сохраняется представление, что девушка должна быть скромной, у самих девушек на этот счёт двоякое мнение: *«Говорили, что должна быть скромной, на взрослых голос не повышать. Нельзя быть выскочкой. Мама говорила, что не нужно бежать впереди всех, но и не отставать в конце, нужно придерживаться золотой середины»* [22 ПМ. С. Г. Осипова, 1985 г.р.].

«Скромность – это, наверное, хорошо, но и она должна быть в меру. Сегодня если ты чересчур скромная, то ты в жизни ничего не добьешься. Недаром говорят, что наглость – это второе счастье» [13 ПМ. Н. Н. Князева, 1985 г.р.].

«Скромность до добра не доведет. Приходишь на работу вся такая скромная, голос ни на кого не повышаешь, никому ничего лишнего не говоришь, а потом эти стажисты и руководство начинают на тебе ездить – сделай это, сделай то. И ты идешь и делаешь, потому что у тебя удмурт сям (букв.: удмуртский характер)» [23 ПМ. Е. В. Питилева, 1987 г.р.]. Таким образом, молодые респондентки приходят к выводу, что скромность нужна только в меру, а девушка сама должна уметь постоять за себя, за свои интересы.

Немаловажной чертой современной девушки, помимо скромности и чистоты нравственных устоев, должна быть внешняя чистота, ухоженность и опрятность: *«Встречают-то всегда по одежке, поэтому девушка должна быть чисто и опрятно одета, волосы должны быть расчесаны, а если на ней неглаженная, грязная одежда и волосы не причесаны, то это характеризует её как ленивую неряху» [27 ПМ. Г. А. Титова, 1983 г.р.].* Внешний вид особенно актуальным становится для девушек 1990-ых годов рождения. Они следят за модными тенденциями не только в одежде, но и в макияже: *«Что бы там ни говорили, что провозжают по уму, главное, чтобы душа была, но встречают-то всё равно по одежке. Если ты за собой не следишь, то на тебя никто и внимания не обратит, никто тобой не заинтересуется и не захочет общаться. Даже в журналах написано, что когда ты идешь на собеседование, то нужно красиво одеться, попросить у друзей дорогой сотовый телефон. Сегодня очень важно уметь себя презентовать» [30 ПМ. Т. В. Эркина, 1999 г.р.].*

«Сейчас столько говорят об умении правильно одеваться, подбирать себе правильную одежду, наносить макияж, что, честно говоря, об этом трудно не думать. Нужно следить за своим внешним видом, потому что это твоя уникальная визитная карточка» [4 ПМ. Е. А. Боталова, 1999 г.р.].

Кроме того в современных девушках культивируются самостоятельность, независимость, целеустремленность, умение ставить цели и достигать их. В связи с чем для большинства женщин, родившихся в к. XX в., в пер. четв. XXI в. становится важным получение образования. Они стремятся перебраться из села в город, реализовать себя, построить карьеру, стать материально независимой: *«Ой, я вот всё удивляюсь, как это моя бабушка столько лет на ферме проработала. Подорвала только своё здоровье. Это же ужас. Я так бы не смогла, да и не хочу. Поэтому я и получаю высшее образование. Я и профессию себе выбирала, чтобы в кабинете сидеть, в тепле и красиво одетой» [6 ПМ. Н. Б. Волкова, 1985 г.р.].*

«Я о замужестве и не думаю, успеется ещё. Вначале нужно образование получить, потом нужно профессионально себя реализовать. Я думаю, что женщина должна быть независимой. Потом нужно и мир ещё посмотреть, попутешествовать. А потом и замуж уж» [9 ПМ. Л. Г. Григорьева, 1996 г.р.].

Что касается ориентации на общественное мнение, со стороны молодых респонденток она получает двойную оценку: *«Наверное, если ты живешь постоянно в деревне, в маленьком пространстве, где все друг друга знают, то, конечно же, ты зависишь от общественного мнения. Там это действительно важно. Но в городе, где много людей, всем всё равно, каждый живет, как может, одевается, как может. Но иногда, даже живя в городе, идешь по улице и думаешь: что-то я как-то не так оделась, что люди подумают» [23 ПМ. Е. В. Питилева, 1987 г.р.].*

«Просто нас так воспитывали. Постоянно останавливали фразой «а что люди скажут?». Вот мы и привыкли ориентироваться на мнение окружающих» [22 ПМ. С. Г. Осипова, 1985 г.р.].

«Мне кажется, что в городе люди не обращают внимание друг на друга. Поэтому каждый делает то, что хочет и как хочет. Да и сейчас каждый стремится «хайпануть» (то есть внезапно прославиться), а как ты хайпанешь, если ты такой, как все? Надо быть уникальным, выделяться из толпы, и правило «будь как все, а то люди засмеют» тут точно не работает» [29 ПМ. Т. В. Утеева, 1998 г.р.]. Таким образом, для респонденток, родившихся в 40–80-е гг. XX в., ориентация на общественное мнение и в проективном, и в реальном поведении остается значимым регулирующим фактором. Девушки, родившиеся в 1990-ые годы, на уровне проективного поведения декларируют независимость от общественного мнения.

Данные коммуникативные установки и представления о женском поведении находят своё воплощение в коммуникативных стратегиях и тактиках, которые женщины реализовывали и продолжают реализовывать в повседневном общении. Поскольку, по мнению опрошенных респонденток, для женщины немаловажен вопрос создания семьи и реализации социальной роли жены и матери, то нам было бы любопытно проследить, каким образом проективное поведение соответствует реальным коммуникативным практикам добрачного поведения и поведения в браке.

Особенности добрачного поведения

Добрачное коммуникативное поведение представляет собой особую сферу коммуникации. Ему девушки-удмуртки и прошлых, и нынешних лет уделяют большое внимание. Возможно, это связано с тем, что создание семьи воспринимается ими как серьёзный и ответственный шаг, от которого в дальнейшем зависит будущее. Кроме того, это сфера общения с противоположным полом, где существует множество условностей и нюансов. Здесь нужно показать себя во всей красе, но в то же время не опозорить свою честь и честь семьи. Как отмечает одна из молодых респонденток, *«невеста как сапёр, она ошибается только один раз, а потом уже живёт с последствиями своего выбора. Поэтому очень важно изначально приглядеться к своему избраннику, а то потом-то поздно будет. Ну и нужно себя так поставить, чтобы юноша добивался тебя, а не ты ему на шею вешалась, а то личная ценность девушки в глазах молодого человека как-то сразу пропадает»* [15 ПМ. И. В. Корепапова, 1992 г.р.].

По мнению респонденток старших возрастных когорт, раньше при выборе невесты или жениха больше ориентировались на личные качества своего избранника, например, доброжелательность, умение ладить с людьми, скромность, также немаловажное значение имело умение вести хозяйство, решать бытовые проблемы. Выводы о характере избранника или избранницы делались на основе характеристики, данной односельчанами, на основе репутации родителей избранника /избранницы и отношениях, сложившихся в их семье. Внешние данные уходили на второй план, о чем свидетельствуют браки, заключённые по рекомендации друзей и родственников: *«Моя мама 1940 года рождения. Она рассказывала, что, когда ей исполнилось 18 лет, её приехали сватать. Там она в первый раз и увидела моего папу. Видимо, они просто спрашивали друг о друге, узнавали о девушках из соседних деревень. Так и знакомились, и замуж выходили»* [25 ПМ. Л. Л. Семенова, 1965 г.р.]. В вопросах замужества решающее слово оставалось за родителями будущей невесты и её старших родственников, которым девушки не смели перечить.

Респондентки старших возрастных когорт признаются, что в знакомстве инициатива принадлежала юношам: *«... Ну, дак, конечно, парни первые подходили... Вот, например, мой... Он через дом от меня жил... Раньше кино по деревням возили. Мы сидим, кино смотрим, и он рядом со мной сел. Ну, сел и сел, с кем ведь только рядом не сидишь. Кино кончилось, мы вышли, а он уже у ворот стоит. Я иду, а он за мной идет. Никакого разговора... И когда через их дом проходила, он меня раз так взял: «Всё», – говорит, – «ты сегодня – моя!» А у них уже с братом договоренность была, оказывалась». По признанию респондентки, после этих событий она вышла за него замуж [19 ПМ. Э. С. Максимова, 1933 г.р.].*

На сегодня среди молодёжи самая распространённая форма знакомства – это социальные сети, куда девушки и юноши выкладывают свои фотографии, рассказывают о себе и своих увлечениях. В связи с этим девушки признаются, что первое, на что обращают внимание, – это внешность: *«Что бы там ни говорили о душе, но первое, что зацепит парня, который будет просматривать страницу в социальных сетях, – это внешность. Если ты внешне понравилась, значит, он с тобой познакомится»* [4 ПМ. Е. А. Боталова, 1999 г.р.]. В связи с этим респондентки особое внимание уделяют фотографиям, публикуемым в социальных сетях. При этом учитывают два обязательных критерия снимка – оригинальность и хороший ракурс: *«Ну, во-первых, фотка должна быть необычной. Может быть, необычный фон или объект какой-то рядом. Во-вторых, важен ракурс. Чтобы лицо было красивым и без морщинок, фигура хорошо смотрелась. Я никогда не выкладываю фотки, где я не крашена. Зачем себя страшенькую людям показывать?»* [3 ПМ. Н. В. Бельтюкова, 1999 г.р.].

Другие респондентки признаются, что одним из поводов для знакомств является необычная внешность избранницы, но причиной продолжения и развития отношений становится всё-таки характер, «внутреннее содержание» избранницы: *«Красивая, уникальная внешность чаще всего становится поводом для знакомств, но это будет только начало. Внимание-то парень, может, и обратит, но ведь потом это внимание и интерес нужно удержать. И если девушка по своей сути пустышка, то он поиграет с ней, интерес пропадёт, и он её бросит. Поэтому я считаю, что за красивой внешностью должно быть и содержание»* [22 ПМ. С. Г. Осипова, 1985 г.р.].

Отмечают молодые респондентки и то, что у современных юношей сложились неправильные стереотипы в отношении современных девушек. Они видят их меркантильными, любящими и ждущими дорогие подарки, интересующихся только богатыми парнями на дорогих автомобилях. Сами девушки признаются: *«Наверное, есть разные девушки, но не нужно всех грести под одну гребёнку. Я*

думаю, что парень должен красиво ухаживать и оказывать знаки внимания своей избраннице, но если он тупенький и ничего из себя не представляет, то я даже за дорогие подарки не стану с ним общаться» [4 ПМ. Е. А. Боталова, 1999 г.р.].

«Иной раз читаешь посты в интернете и складывается впечатление, что все девушки – издивенки. Но, честно говоря, есть среди них и вполне самодостаточные. Они могут сами зарабатывать и обеспечивать себя, имеют жильё, водят автомобили. Поэтому существующий стереотип не очень правильный». [22 ПМ. С. Г. Осипова, 1985 г.р.]. Из рассказов респонденток видно, что современные молодые девушки стремятся быть самодостаточными и не зависеть от своих избранников, особенно в материальном плане. Но есть и другая точка зрения, согласно которой целеустремленность и самодостаточность часто становится причиной страданий и одиночества современных женщин: «У современных девушек глаза открыты, они учатся, получают два высших образования, уезжают в город. Там они находят работу, карьеру строят, ездят по разным странам, мир видят. А большинство парней остаются в деревне, девушкам в деревню возвращаться уже не хочется, вот они и остаются одинокими в своем городе. А парни в деревне... Может, среди них такие хорошие есть, так ведь пару себе не находят, а потом спиваются» [21 ПМ. О. Н. Николаева, 1974 г.р.].

По мнению городских девушек, в общении с молодыми людьми они чувствуют себя свободно, не стесняются знакомиться первыми, а вот сельские юноши удмуртской национальности в знакомстве нерешительны, но настойчивы. Они очень часто, «ничего не говоря, молча, изо дня в день будут ходить рядом или на небольшом расстоянии, словно выжидая удобного момента. Будут ждать, когда девушка либо улыбкой, либо словом сама привлечёт внимание, и только после этого подойдут, заговорят и будут предпринимать ещё какие-либо действия» [20 ПМ. Л. В. Никитина, 1983 г.р.]. Сельские девушки же, напротив, признаются, что даже с появлением социальных сетей, порой, стесняются написать понравившемуся парню первыми, их восхищает смелость и инициатива тех девушек, которые проявляют инициативу в знакомстве с молодыми людьми, но сами они на этот шаг решиться не могут: «Ну, вот, я иногда думаю, что проще уже быть не может – написала и ждешь ответа, не ответил – ну и ладно, это же не лицом к лицу и глаза в глаза. Так ведь и написать стесняюсь, всё боюсь, что если не ответит, значит, я – неудачница» [30 ПМ. Т. В. Эркина, 1999 г.р.].

«Мне если парень понравился, я даже фотки его лайкать не буду, ещё подумает, что я – маньячка и преследую его» [4 ПМ. Е. А. Боталова, 1999 г.р.].

Таким образом, добрачное коммуникативное поведение поколения женщин, вторичная социализация которых пришлась преимущественно на XX в., выстраивалось в зависимости от мнения старшего поколения и с ориентацией на социальное окружение. При выборе избранника они не перечили своим родителям, прислушивались к их мнению и советам, приоритет отдавали характеру избранника, а не его внешности. Поколение женщин, вторичная социализация которых проходила на рубеже XX – XXI вв., делает упор на свою самодостаточность в принятии решения в вопросах выбора своего будущего мужа, обращает внимание на его внешность, «внутреннее содержание», материальное положение. Но при этом респондентки настаивают на своей самостоятельности и не желают быть материально зависимыми от своего будущего супруга.

Коммуникативное поведение в браке

После замужества в традиционном обществе поведение девушки в новой семье подчинялось более строгим правилам и требованиям. Она должна была проявлять уважение и почитание к новым родственникам, особенно мужчинам старшего возраста, чётко соблюдать предписанные запреты [Христоролюбова 2006, 41]. Взаимоотношения всех членов семьи, в том числе и молодой снохи с новыми родственниками, регламентировались обычаем (*сям*). Младшие слушались старших, а те должны были заботиться о младших. «В семейном общении мало пользовались именами. Супруги называли друг друга местоимениями второго и третьего лица – *тон* (ты), *со* (он / она). К детям обращались *пие / эте* (букв.: сынок), *нылы* (букв.: дочка), *дыды* (букв.: малыш / малышка)» [Удмурты: историко-этнографические очерки 1993, 189]. Кроме этого действовали строгие запреты. Так, по воспоминаниям респонденток 1920-ых годов рождения, запрещались частые вербальные контакты, эмоциональное общение, взгляд в глаза и телесный контакт в разговоре между снохой и свёкром. Молодушке нельзя было появляться на людях с непокрытой головой, грудью, ногами, руками или лицом. По мнению М. В. Ившиной, данные запреты связаны не столько с обозначением пониженного или повышенного социального статуса молодой женщины, сколько «с профилактикой семейных конфликтов, обеспече-

нием постепенного знакомства и привыкания» [Ившина 2011, 79]. В современном обществе подобные запреты и правила изжили себя, а потому не соблюдаются. Молодые люди, создав семью, стремятся к самостоятельности и предпочитают жить отдельно от своих родителей. Но иногда по каким-либо причинам раздельное проживание оказывается невозможным, и потому молодые супруги вынуждены жить с родителями. В этом случае, как отмечает часть респонденток, отношения с новыми членами семьи складываются не всегда успешно, особенно в первое время после замужества.

В современной семье при родителях и посторонних молодуха обращается к своему супругу по имени. Молодые информантки признаются, что в отсутствие посторонних лиц используют ласковые слова по отношению к супругу: *мурое* (букв.: милый), *яратонэ* (букв.: любимый), *шундые* (букв.: мое солнышко). Активно прибегают к употреблению аналогичных русских слов, а также добавляют уменьшительно-ласкательные суффиксы к именам. Пожилые женщины, обращаясь к мужу при посторонних, называют его по имени или используют обращение *хозяин / кузё*.

Современное обращение к своим родителям варьируется в зависимости от возрастной принадлежности информанта. Респонденты старшего возраста использовали преимущественно удмуртские слова: *атй, бубы, тятя* (букв.: папа); *анй, мума, аныкай* (букв.: мама). Молодежь использует русские формы: *мама, папа*, с соответствующей удмуртскому произношению постановкой ударения на последний слог.

Обращение к свёкру и свекрови находится в прямой зависимости от возрастной принадлежности информанток. Так, женщины старших возрастных когорт обращаются по-русски: *мама, папа* с перестановкой ударения на последний слог. Что касается молодежи, то у них своя точка зрения на этот счёт: *«Ну не могу я их назвать мамой и папой. У меня мама одна и папа один, которые меня вырастили»* [ПМ. Аноним, д. Азаматово, Алнашский район УР].

«Мне просто родители дали такую установку: вышла замуж, значит, называешь родителей мужа как положено мамой и папой. Ну, я сразу после замужества так и называла, но честно скажу, язык еле поворачивался. А потом когда дети появились, стала называть уже их бабушкой и дедушкой, так и обращалась к ним бабушка и дедушка. И ребенку понятно, и мне не сложно» [ПМ. Аноним, г. Глазов, УР].

«Я не могу назвать их папой и мамой, поэтому обращаюсь к ним по имени и отчеству, и на вы» [ПМ. Аноним, с. Факел, Игринский район УР].

Со стороны свекрови подобное поведение молодых снох вызывает негативную реакцию, которая из скрытой формы иногда перерастает в открытую. Так, высказывая своё возмущение, женщины пожилого возраста, имеющие статус свекрови, отмечали, что большинство девушек сегодня ленивые, взрослых не уважают, традициям не следуют: *«Я ей постоянно помогаю, а она мне бы хоть раз слово доброе сказала, даже мамой меня назвать язык у неё не поворачивается»* [ПМ. Аноним, п. Балезино, Балезинский район УР].

В современных семьях отношения между поколениями, между мужем и женой в большинстве своем основываются на демократических нормах общения. Тем не менее, доминирующая роль (особенно в сельской семье) обычно признаётся за мужчиной, а женщина, на первый взгляд, играет второстепенную роль. Это можно заметить по тональности голоса, с которой женщина отзывается о муже, называя его *кузё*, то есть хозяин, отказывается принимать какое-либо решение без его ведома, не приглашает в дом посторонних мужчин в отсутствие мужа. На практике же чаще бывает так, что в большинстве семей складываются паритетные отношения, когда и мужчина не принимает каких-либо действий, не посоветовавшись с женой, не распоряжается единолично семейным бюджетом и хозяйством в целом. В таких семьях нет чёткого разделения обязанностей на мужские и женские. По мере возможности все члены семьи делают то, что необходимо, во всём стараются помочь друг другу [Русских 2012].

Часть респонденток 1940-х – 1950-х годов рождения признаётся, что в их семьях управление хозяйством вынуждена брать в свои руки женщина: *«Все домашние дела мы со свекровью вместе делали. Муж трудился в колхозе. А я, жалая его, всё на себя взвалила. Он у меня пить начал, так и до смерти спился. Во второй раз я уже замуж не вышла, все пьющие, дак, за кого замуж выйдешь? Деть одна на ноги поставила»* [11 ПМ. Е. В. Ермачева, 1941 г.р.].

«Мужчина – это добытчик. Он ведь должен семью материально обеспечивать, деньги приносить домой. А в деревне откуда их возьмёшь? Работы толком нету. Вот мужики и ездят на заработки. Их по несколько месяцев дома не бывает, тут уж хочешь, не хочешь, а хозяйство приходится брать в свои руки» [ПМ. Аноним, д. Сюрногурт, Дебёсский район УР]. Таким образом, как отме-

чает Г. А. Никитина, в условиях, когда мужчина вынужден зарабатывать деньги вахтовым методом, покидая свою семью на длительный срок, а также при гендерной диспропорции, «в удмуртской сельской семье деловая, хозяйственная, производственная мобильность субъектов неформальной экономики приобретает «женское лицо»: решение материальных, хозяйственно-бытовых, финансовых, воспитательных проблем семейного коллектива ложится на плечи женщин» [Никитина 2015, 268]. Парадоксально, но и в таких семьях иные жёны «на людях», хотя бы внешне, признают доминирующую роль мужей. Объяснить такую модель поведения можно желанием сохранить «лицо» семьи в глазах окружающих: *«Пусть хоть какой будет твой муж: красивый, некрасивый, пьющий, гулящий, но рядом с женщиной должен быть тот, кто шапку носит. Женщина, живущая одна, – повод для распространения дурных слухов среди людей»* [7 ПМ. Г. А. Главатских, 1969 г.р.]. Психологическая установка на стремление женщин любой ценой сохранить семью и терпимость к поведению мужа, по мнению Л. И. Семеновой, объясняется также и памятью женщин старшего поколения о тяготах «безотцовщины» и трудностях ведения домашнего хозяйства в сельских условиях, вызванных половой дисгармонией в послевоенные годы [Семенова 1996, 61]. Воспитывая своих дочерей, они вольно или невольно передавали им подобные установки не только вербально, посредством наставлений, но и наглядно, посредством реализации их в жизненной практике. Что касается женщин и девушек более молодого поколения, то они с подобными установками и моделями поведения практически не сталкивались, а потому не воспринимали их как жизненно важные, в связи с чем поменялась их стратегия поведения. Особенно данная тенденция коснулась городских женщин, где ведение домашнего хозяйства не обременено тяжелым физическим трудом. В связи с этим, рассуждая о современной молодёжи, старшее поколение отмечает, что у них семейные отношения выстраиваются иначе:

«Мама всегда говорила, что женщина должна быть помощницей мужчины. А без этого, если она только «дай, дай» будет говорить, какая это женщина? Если она не будет готовить еду, не будет стирать, вместо того, чтобы ласково встретить со словами: «Пришёл?», будет говорить: «Ну, сколько денег привёз?» [16 ПМ. Т. В. Крутикова, 1961 г.р.].

«Мы сами всё старались делать, а современные девочки «ездят» на своих мужьях. Ты не работаешь – я тоже не буду работать, тебе не надо – мне тоже не надо. Всё делают вместе, так, наверно, правильно» [11 ПМ. Е. В. Ермачева, 1941 г.р.].

«Сейчас молодые девушки, особенно городские, долго терпеть не будут. Чуть что-то не понравилось – всё, голову задерут, уходят, мужей бросают, разводятся с ними» [2 ПМ. Г. Е. Баранова, 1955 г.р.].

Респонденты 1980-х – 1990-х годов рождения считают, что отношения в семье должны выстраиваться на принципах партнёрства, доброжелательности, доверия, поэтому решать общие проблемы, рассчитывать бюджет, планировать действия на ближайшую перспективу необходимо вместе, сообщая: *«Семья – это общее дело, поэтому нужно помогать друг другу, уметь слушать и слышать, хотя бывает очень тяжело иногда, хочется всё бросить, но уж терпишь»* [27 ПМ. Г. А. Титова, 1983 г.р.].

Большинство молодых респонденток отмечают, что у них в семье не принято было обниматься, целоваться. Лишь иногда родители или пожилые люди могли похлопать своих внуков по спине (*тыбырез вешаны*), выражая радость встречи или одобрение. Сами они, будучи матерями, своих чувств уже не прячут, могут и обнять своего ребёнка, и поцеловать. Но при этом чётко следуют правилу, согласно которому чем меньше знают о внутрисемейных делах окружающие – тем лучше. *«Меня мама научила, что никому нельзя говорить о том, что плохого или хорошего происходит внутри твоей семьи. Непонятно с какими мыслями спрашивают некоторые люди, могут и сглазить своими негативными мыслями»* [13 ПМ. Н. Н. Князева, 1985 г.р.].

Вывод

Таким образом, необходимо отметить, что в современном удмуртском коммуникативном пространстве есть чётко сформированное представление о женском поведении, основанное на незыблемых ценностях удмуртского общества. Каждая женщина считает своим долгом соблюдать коммуникативный символизм полов. Отклонение от общепринятых норм вызывает осуждение со стороны окружающих, на что особенно остро реагирует поколение женщин, вторичная социализация которых пришлась преимущественно на XX в. Напротив, девушки 1990-ых годов рождения считают, что сегодня общественное мнение утратило свою контролирующую и регулирующую функцию, поскольку люди становятся более закрытыми, особенно в городах, актуальность приобретают индивидуализм и

уникальность отдельного человека. Но представительницы и старшего, и младшего поколения сходятся во мнении, что женственность – это, прежде всего, красота и нежность, которая подчеркивается в межличностной коммуникации комплиментами и нежными обращениями: *мусое / нэ* (букв.: милая), *гыдыке* (букв.: голубка) – нежное обращение к женщине; *жуч мунё* (букв.: русская кукла), *«раймаг кукла»* (букв.: кукла, купленная в районном магазине) – образное выражение, используемое в качестве комплимента, адресованного девушке / женщине и подчёркивающего её красоту; *сюсьтыл* (свеча) – подчёркивается стройность девушки.

Несомненно, реалии современной жизни вносят свои коррективы, в том числе и диспропорции в поведение женщин. Например, современная женщина перестает быть просто хранительницей домашнего очага: наравне с мужчиной она берет на себя роль добытчика средств для существования семьи; более того, в некоторых семьях она становится основным источником доходов. Это заставляет её менять традиционные приоритеты, становится более коммуникабельной, целеустремленной, организованной. Удмурткам приходится преодолевать свою скромность и стеснительность, развивать в себе умение самопрезентации, быть более мобильными, самостоятельными, что, несомненно, отражается на реализуемых ими стратегиях коммуникативного поведения в общении с окружающими людьми.

Меняются и стратегии поведения женщины в общении с родственниками, семьей. Сегодня молодёжь стремится жить отдельно от своих родителей, самостоятельно вести своё хозяйство и быт, что отражается на реализации женщиной социальной роли снохи. Так, современная сноха, живя отдельно от родителей мужа и не завися от них материально, воспринимает их зачастую как родных, но не близких людей, поэтому допускает обращения к ним по имени и отчеству. Поскольку свекор и свекровь присутствуют в жизни молодой женщины как люди, выполняющие преимущественно социальную роль дедушки и бабушки её детей, то она считает допустимым обращаться к ним подобным образом. Но всё меняется, если она живёт в доме родителей мужа. В этом случае сноха обращается к ним, называя *мамой* и *папой*, поскольку те предоставляют кров для неё и её семьи, ведут совместное хозяйство, а значит, воспринимаются как родители.

Необходимо отметить, что проективное поведение поколения женщин, вторичная социализация которых пришлась на рубеж XX–XXI вв., свидетельствует о желании не зависеть от общественного мнения, о стремлении к уникальности и самовыражению. Установка на подобные жизненные ценности, думается, обусловлена отсутствием богатого жизненного опыта и, в какой-то степени, юношеской бравадой, поскольку в реальном поведении эти девушки и молодые женщины сохраняют скромность, доходящую до робости, живут с оглядкой на социальное окружение, сопровождающееся вопросом «а что скажут люди?». Это связано с тем, что коммуникативное поведение представляет собой сложную систему. В процесс общения включены множество людей, каждый с определённой социальной ролью, с индивидуальными и групповыми интересами и потребностями. Социальная система живёт по правилам жёстких социальных норм, стереотипов и традиций, иначе она начинает разрушаться. Потому отдельный человек, несомненно, может изменить себя, но не всегда эти изменения положительно принимаются социальным окружением, которое, зачастую, остаётся приверженным веками сформированным условностям и нормам.

ПОЛЕВОЙ МАТЕРИАЛ АВТОРА

1. Афонина Нина Дмитриевна, 1925 года рождения, д. Выльгурт, Глазовский район, Удмуртская Республика, запись 2016 г.
2. Баранова Глафира Евгеньевна, 1955 года рождения, д. Булай, Увинский район, Удмуртская Республика, запись 2011 г.
3. Бельтюкова Наталья Владимировна, 1999 года рождения, д. Постол, Завьяловский район, Удмуртская Республика, запись 2015 г.
4. Боталова Евгения Александровна, 1999 года рождения, п. Игра, Игринский район, Удмуртская Республика, запись 2015 г.
5. Волкова Калиста Ивановна, 1936 года рождения, с. Пыбья, Балезинский район, Удмуртская Республика, запись 2011 г.
6. Волкова Надежда Борисовна, 1985 года рождения, д. Нурызово, Балезинский район, Удмуртская Республика, запись 2011 г.
7. Главатских Галина Ананьевна, 1969 года рождения, п. Кез, Кезский район, Удмуртская Республика, запись 2014.

8. Григорьева Лидия Геннадьевна, 1996 года рождения, д. Старые Юбери, Можгинский район, Удмуртская Республика, запись 2014.
9. Ермачёва Елена Викторовна, 1941 года рождения, д. Юдрук, Можгинский район, Удмуртская Республика, запись 2011.
10. Князева Надежда Николаевна, 1985 года рождения, д. Нурызово, Балезинский район, Удмуртская Республика, запись 2011 г.
11. Козленко Татьяна Филипповна, 1954 года рождения, д. Азаматово, Алнашский район, Удмуртская Республика, запись 2010 г.
12. Корепанова Инна Васильевна, 1992 года рождения, с. Дебёсы, Дебёсский район, Удмуртская Республика, запись 2013 г.
13. Крутикова Татьяна Васильевна, 1961 года рождения, д. Азаматово, Алнашский район, Удмуртская Республика, запись 2010 г.
14. Лекомцева Августа Николаевна, 1956 года рождения, уроженка д. Сишур, Вавожского района Удмуртской Республики, ныне проживает в г. Ижевск, запись 2009 г.
15. Максимова Раиса Ильинична, 1936 года рождения, д. Азаматово, Алнашский район, Удмуртская Республика, запись 2010 г.
16. Максимова Эмилия Сергеевна, 1933 года рождения, д. Адам, Глазовский район, Удмуртская Республика, запись 2016 г.
17. Никитина Лариса Владимировна, 1983 года рождения, г. Ижевск, Удмуртская Республика, запись 2010 г.
18. Николаева Ольга Николаевна, 1974 года рождения, д. Большие Сибы, Можгинский район, Удмуртская Республика, запись 2010 г.
19. Осипова Светлана Геннадьевна, 1985 года рождения, д. Малая Воложикья, Можгинский район, Удмуртская Республика, запись 2014 г.
20. Питилёва Екатерина Владимировна, 1987 года рождения, с. Сюмси, Сюмсинский район, Удмуртская Республика, запись 2013.
21. Поздеева Галина Гавриловна, 1933 года рождения, с. Пыбья, Балезинский район, Удмуртская Республика, запись 2011 г.
22. Семенова Любовь Леонидовна, 1965 года рождения, д. Адам, Глазовский район, Удмуртская Республика, запись 2016 г.
23. Степанова Елена Петровна, 1960 года рождения, с. Дебёсы, Дебёсский район, Удмуртская Республика, запись 2009 г.
24. Титова Галина Алексеевна, 1983 года рождения, с. Шаркан, Шарканский район, Удмуртская Республика, запись 2009 г.
25. Тронина Марина Петровна, 1985 года рождения, д. Верхний Четкер, Дебёсский район, Удмуртская Республика, запись 2009 г.
26. Утеева Татьяна Владимировна, 1998 г.р., д. Вишур, Малопургинский район, Удмуртская Республика, запись 2014 г.
27. Эркина Татьяна Владиславовна, 1999 года рождения, с. Кечеве, Малопургинский район, Удмуртская Республика, запись 2015 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Вотяки, их нравы, образ жизни и обычаи // Вятские губернские ведомости. 1885. № 45. С. 3.
- Волкова Л. А. Удмуртская женщина в традиционном обществе (имущественное и правовое положение) // Женщины в меняющемся мире: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1996. С. 43–45.
- Ившина М. В. Некоторые аспекты гендерной коммуникации и этикета крестьянской семьи (вторая четверть XIX – начала XX вв). // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 2. С. 72–81.
- Ившина М. В. Статус женщины в традиционном удмуртском обществе XIX – начала XX вв. Автореф...дис. ... кан. ист. наук. Ижевск, 2000. 20 с.
- Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
- Михайлов А. И. Вотячка. Москва: Охрана материнства и младенчества, 1927. 40 с.
- Назмутдинова И. К. Семейный этикет в системе традиционной культуры удмуртов: Монография. Ижевск: Шелест, 2017. 222 с.
- Никитина Г. А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 136 с.
- Никитина Г. А. Сельское общество Удмуртии в условиях реформ рубежа XX–XXI веков: ресурсы и опыт адаптации: монография. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2015. 320 с.
- Очерки воспитания детей у вотяков // Вятские губернские ведомости. 1892. № 38. С. 3.

Семенова Л. И. Культура и быт современной удмуртской сельской семьи: Монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1996. 124 с.

Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. 392 с.

Христолюбова Л. С. Стереотипы общения и социализация личности // Традиционное поведение и общение удмуртов. Сборник статей. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. С. 31–42.

Христолюбова Л. С. Удмуртские женщины XX в. Биографический справочник. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2002. 448 с.

Христолюбова Л. С. Женщина в удмуртском обществе. XVIII – начало XXI в.: Монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2006. 328 с.

Шутова Н. И. Роль женщины в древнеудмуртском обществе: к постановке проблемы // Финно-угроведение. 1995. № 2. С. 30–38.

Поступила в редакцию 23.01.2020

Русских Татьяна Николаевна,

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка, литературы УдмФИЦ УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: tatyana_russkih@mail.ru

T. N. Russkikh

COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF MODERN UDMURT WOMEN: SCENARIOS, STRATEGIES, PRACTICES

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-1-103-114

The article is devoted to the peculiarities of the communicative behavior generations of Udmurt women in the 20th and the early 21st century. The relevance of the article is due to the existing public demand for coverage of regional women's history and gender history. Main attention is paid to the requirements imposed by society on the behavior of the Udmurt woman. The result of a comparative analysis of the communicative behavior of two generations of women showed changes in premarital and marriage behavior. The author notes that the realities of modern life make their own corrections, including disproportions. And so the modern udmurt woman is not only the keeper of the home, but she becomes the main source of income in her family. She becomes less closed, more communicative. In this connection, Udmurt women have to overcome their modesty and shyness to develop self-presentation skills, which undoubtedly affects the strategies of communicative behavior implemented by them.

Keywords: communicative behavior, Udmurt women, gender, marriage discourse, communicative practices, communicative scenario.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 1, pp. 104–115. In Russian.

REFERENCES

Votyaki, ikh nrayy, obraz zhizni i obychai [Votyaks, their manners, ways of life and customs]. *Vyatskie gubernskie vedomosti* [Vyatka province news]. 1885. Vol. 45. pp. 3. In Russian.

Volkova L. A. *Udmurtskaya zhenshchina v traditsionnom obshchestve (imushchestvennoe i pravovoe polozhenie)* [The Udmurt woman in traditional society (property and legal status)]. *Zhenshchiny v menyayushchemsya mire: istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta* [Women in a changing world: history and modernity. Materials of the international scientific-practical conference]. Izhevsk: Udmurt University Press, 1996. pp. 43 - 45. In Russian.

Ivshina M. V. *Nekotorye aspekty gendernoi kommunikatsii i etiketa krest'yanskoi sem'i (vtoraya chetvert' XIX – nachala XX vv)* [Some aspects of gender communication and etiquette of a peasant family (second quarter of the 19th – early 20th century)]. // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2011. Vol. 2. pp. 72 - 81. In Russian.

Ivshina M. V. *Status zhenshchiny v traditsionnom udmurtskom obshchestve XIX – nachala XX vv. Avtoref...dis. kan.nauk* [The status of women in traditional Udmurt society of the 19th – beginning of the 20th century. Abstract of the thesis of candidate of Sciences] Izhevsk, 2000. 20 p. In Russian.

- Kreidlin G. E.** *Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noi kommunikatsii* [Men and women in nonverbal communication]. Moscow, 2005. 224 p. In Russian.
- Mikhailov A. I.** *Votyachka* [Udmurt woman]. Moscow, 1927. 40 p. In Russian.
- Nazmutdinova I. K.** *Semeinyi etiket v sisteme traditsionnoi kul'tury udmurtov* [Family etiquette in the system of traditional culture of Udmurts]. Izhevsk, 2017. 222 p. In Russian.
- Nikitina G. A.** *Narodnaya pedagogika udmurtov* [Folk pedagogy of Udmurts]. Izhevsk, 1997. 136 p. In Russian.
- Nikitina G. A.** *Sel'skoe obshchestvo Udmurtii v usloviyakh reform rubezha XX – XXI vekov: resursy i opyt adaptatsii* [Rural society of Udmurtia in the context of reforms at the turn of the 20th–21st centuries: resources and experience of adaptation]. Izhevsk, 2015. 320 p. In Russian.
- Ocherki vospitaniya detei u votyakov* [Essays on Votyak parenting]. *Vyatskie gubernskie vedomosti* [Vyatka Governorate news], 1892. Vol. 38. pp. 3. In Russian.
- Semenova L. I.** *Kul'tura i byt sovremennoi udmurtskoi sel'skoi sem'I* [Culture and life of modern Udmurt rural family]. Izhevsk, 1996. 124 p. In Russian.
- Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Udmurts: historical and ethnographic essays]. Izhevsk, 1993. 392 p. In Russian.
- Khristolyubova L. S.** *Stereotipy obshcheniya i sotsializatsiya lichnosti* [Patterns of communication and socialization of the personality] *Traditsionnoe povedenie i obshchenie udmurtov. Sbornik statei* [Udmurt traditional behavior and communication]. Izhevsk, 1992, pp. 31–42. In Russian.
- Khristolyubova L. S.** *Udmurtskie zhenshchiny XX v. Biograficheskii spravochnik* [Udmurt women of the 20th century - a biographical reference book]. Izhevsk, 2002. 448 p. In Russian.
- Khristolyubova L. S.** *Zhenshchina v udmurtskom obshchestve. XVIII – nachalo XXI v* [The woman in Udmurt society. From the 18th to early 21st century]. Izhevsk, 2006, p. 328. In Russian.
- Shutova N. I.** *Rol' zhenshchiny v drevneudmurtskom obshchestve: k postanovke problemy* [The role of women in the ancient Udmurt society: to the formulation of the problem]. *Finno-ugrovedenie* [Finno-Ugric studies]. 1995. Vol. 2. pp. 30–38. In Russian.

Received 23.01.2020

Russkikh Tatyana Nikolaevna,
Candidate of History, Research Associate
Udmurt Institute of History, Language and Literature
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
E-mail: tatyana_russkih@mail.ru